

Эпидемия самоубийств среди школьников в Российской империи начала XX века.

Лярский А.Б. к.и.н. (СПбГУТД)

В докладе представлены некоторые итоги исследования документов и публикаций, проливающих свет на проблему самоубийств среди учащихся российских — по преимуществу средних — учебных заведений в конце XIX — начале XX в.

С начала 1900-х гг. современники в России отмечали рост самоубийств и покушений на самоубийства. Страшнее и удивительнее всего для современников было резкое, «лихорадочное», как тогда говорили, увеличение детских и подростковых самоубийств вообще и самоубийств учащихся в частности. Возрастая параллельно с количеством самоубийств взрослых, детские и подростковые самоубийства, а также среди молодежи составляли необыкновенно высокий процент всех суицидальных актов. Эта тенденция отмечена разными авторами, использовавшими различные статистические материалы. Так, в 1905–1908 гг. по подсчетам доктора Д. Н. Жбанкова из всех самоубийств и покушений на них в Москве, Одессе и Петербурге 38,1 % были совершены молодыми людьми до двадцати лет¹. По мнению автора, скрывшегося за псевдонимом Статистик, в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1911 г. это число составляет 41,8 %². Попытка прояснить ситуацию породила огромное количество работ, от научных до публицистических, посвященных самоубийствам вообще и самоубийствам детей, подростков и молодежи в частности³. Особенно много говорилось о самоубийствах и покушениях на самоубийство учащихся различных учебных заведений Российской империи.

Параллельно с исследованиями «независимых» авторов собиралась и официальная статистика: в Министерстве народного просвещения (МНП) в 1904 г. была организована новая структура — врачебно-санитарная часть под руководством известного врача-гигиениста профессора Г. В. Хлопина. Изучив собранный в министерстве за предшествующие годы материал, Хлопин опубликовал книгу о самоубийствах учащихся, из которой следовало, что количество самоубийств в учебных заведениях МНП возрастает по крайней мере с 80-х гг. XIX в. Хлопин также попытался наладить постоянный и формализованный сбор однородной информации о школьных самоубийствах в России. Полученная информация обрабатывалась и систематизировалась, а итоги

---

¹ Жбанков Д.Н. Современные самоубийства // Современный мир. 1910 № 3 с. 23

² Статистик. Самоубийство как социальное явление. СПб. 1913 с 141.

³ Теодорович Ф.М. Самоубийство: указатель литературы на русском языке М. 1928.

соответствующей работы ежегодно предавались гласности в специальных выпусках статистической информации о самоубийствах и несчастных случаях в учреждениях МНП. Самое важное, что учебная администрация в лице директора учебного заведения, председателя педагогического совета и часто даже в лице попечителя учебного округа должна была предоставить обширную и максимально подробную информацию о случившемся, включая записки самоубийц, дневники и вообще все, что могло бы пролить свет на . В итоге в нашем распоряжении имеется комплекс материалов, включающий в себя как опубликованные работы современников, так и документальные свидетельства, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Департамента народного просвещения.

Опираясь на эти материалы, исследователь может переходить с уровня статистики на уровень рефлексии экспертов и современников, с уровня рефлексии на уровень казуса, а от казуса возвращаться к статистическим материалам, снабжая исследование многообразными контекстами. Переплетение этих уровней анализа дает возможность говорить не только об общих и безличных, но и о максимально конкретных, персональных историях.

Именно поэтому исследование самоубийств школьников в начале XX в. имеет научный смысл — не в силу только моральных причин или сенсационной привлекательности наших собственных страхов, а потому, что именно в случае школьников мы знаем индивидуальные истории самоубийц. И если большинство самоубийств начала XX в. мы представляем себе довольно абстрактно как итог общих социальных потоков и явлений, как продукт модернизации или «продукт печати», то именно при изучении школьного суицида исследователь может или вырваться за пределы априорных схем или подтвердить их конкретным материалом.

Можно утверждать, что самоубийство учеников и закрепленная в документах рефлексия по этому поводу со стороны взрослых могут быть представлены как некое исследовательское поле, в котором возможны обстоятельное изучение принципов взаимодействия поколений как внутри, так и вне образовательных структур, родительских и экспертных сообществ. Очевидно, эти проблемы можно было бы изучать и на других примерах, но сам характер вопроса о самоубийстве, его экзистенциальная значимость позволяет ярко высветить некоторые особенности системы межпоколенческого взаимодействия в России начала XX в.

Анализ статистики ожидаемо выявляет значительную зависимость показателей от условий сбора данных, а не от динамики самого явления.

Так, например, когда министерство издавало соответствующий циркуляр, связанный с отчетностью по самоубийствам, следовал статистический всплеск. Именно такой характер роста можно наблюдать после издания циркуляра 1901 г. Поскольку он был издан в июне, т. е. перед началом нового учебного года, число самоубийств за этот год достигло 15 — таких показателей не было на протяжении 18 лет, а потом количество самоубийств колебалось в диапазоне от 15 до 20 в год до следующего рывка, последовавшего в 1906 г. (от 17 до 32 случаев в год), что вполне соотносится с появлением в ноябре 1905 г. нового циркуляра, затребовавшего новую статистику.

Точно также и неофициальная статистика, собиравшаяся по газетам, скорее соответствует внешним обстоятельствам начала 20 века (поведение прессы во время революции, ослабление цензурных запретов), чем динамике роста самоубийств. Также на неофициальную статистику накладывали свой отпечаток такие особенности газетного дела, как склонность к сенсации и к поверхностности и тенденциозности изложения. При этом многие газетные сообщения мы можем проверить по архивным делам. Приведу только один, но очень характерный пример: комментируя по требованию МНП одну из газетных заметок, директор учебного заведения писал: «Газетные сведения о несчастном оказались неверные. Кину не 18 лет... но 12; в воду он не бросался с моста; причиной покушения не была неудача в испытаниях послеканикул, так как мальчик никаких переэкзаменовок после каникул не держал, Кина зовут не Францем, но Иваном» — т. е. неверным оказывалось абсолютно все, кроме факта покушения на самоубийство⁴

Принимая все это во внимание, можно утверждать, что всплеск самоубийств школьников действительно наблюдался после революционных событий, однако в гораздо меньшем масштабе, чем это виделось современникам. Реальный рост самоубийств в это время нужно отсчитывать только с 1907 года — до этого момента никаких достоверных данных в нашем случае нет. Пик эпидемии приходится на 1910 – 1912 годы. С этой точки зрения реальное количество самоубийств увеличилось (по средним учебным заведениям): в 2 раза в абсолютных числах (с 92 в 1907 до 188 в 1911 гг.) и в 1,7 раза в пересчете на сто тысяч человек. Однако для современников, тех, кто знакомился с опубликованными отчетами министерства и читал газеты, для тех, кто не был вовлечен в тонкости сбора статистики, ситуация выглядела совершенно иначе. Так, М.Я. Феноменов в работе

---

⁴ РГИА. Ф. 733 оп 199 д 183 л 141 об.

«Причины самоубийств в русской школе» приходит к выводу, что «за 12 лет (с 1899 г. по 1910 г. —А. Л.) число самоубийств увеличилось в 13 раз», а относительные показатели выросли в 5,5 раза. При таком подходе, с точки зрения наблюдателя, рост самоубийств носит взрывной характер. Это настоящая катастрофа, «какое-то лихорадочное прогрессивное увеличение числа самоубийствующихся, которое стало заметным лишь 8–9 лет назад, а сделалось быстрым лишь в самые последние годы»⁵

Несомненно, лихорадочность и резкость роста самоубийств есть феномен более статистический, чем реальный. Однако в послереволюционной России это явление имело огромный резонанс не только, и не столько из-за манипуляций цифрами, а скорее потому, что самоубийство ребенка служило универсальным средством критики для любых явлений окружающей действительности, к которым оно могло быть возведено.

Не менее своеобразной является статистика причин суицидальных актов. В общем виде она выглядела так – от 25 до 30 % случаев связаны с нервными и психическими заболеваниями, в 25 % случаев причины оставались неизвестными. Порядка 20 % составляли так называемые школьные и школьно-семейные причины (подразумевались школьные неурядицы и семейные реакции на них). Около 15 % составляли семейные разлады (ссоры с родителями, пьянство родителей, побои и т.д.) До 9 % составляли случаи так называемые «романтические». В остальную категорию вносились самые разные, не поддающиеся точной классификации причины. Ближайшее знакомство с документами позволяет сделать вывод о том, что использовать эту классификацию надо с величайшей осторожностью и основывать на ней можно только самые общие выводы. Во многих случаях окончательное решение о том, что являлось причинами конкретного самоубийства, принималось в конкурентной борьбе точек зрения родителей, школьной администрации и министерского чиновника и в итоге это решение мотивировалось внутришкольной или внутрибюрократической прагматикой. С уверенностью можно сказать, что в большинстве случаев, когда самоубийство возводилось к последствиям нервных и психических заболеваний, мы имеем дело с попыткой избавиться от ответственности и/или добиться разрешения на погребение по православному обряду. Также очевидна постоянная дискуссия о том, кто больше виноват в случившемся – дом или школа. С этой точки зрения ни полученные цифры, ни перечни причин не могут являться полностью достоверными данными.

---

⁵ Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. М. 1914. Сс 11-12.

Обращение к менее подверженным искажениям данным (таких, например, как происхождение суицидентов) и к более широкому контексту позволяет прийти к следующим заключениям об истоках и сути произошедшего.

Социальные истоки «эпидемии» самоубийств 1907–1913 гг. несомненно следует искать в конкретной внутренней ситуации средней школы. Здесь основополагающими являются, на наш взгляд, два обстоятельства: ужесточение школьных правил послереволюционного всплеска, так называемая реакция увеличения количества крестьянских и мещанских семей, стремившихся дать своим детям среднее образование. Поступившие в годы, когда отменялись переводные экзамены и доступ к знаниям был достаточно открыт, прошедшие младшие классы в предреволюционное и революционное время, эти дети в старшем подростковом возрасте оказались в школе, в которой началось закручивание гаек и наведение порядка.

Семейный фон также оставлял желать лучшего: во многих случаях ученики были первыми в семье, получавшими среднее образование, во многих — семья обременялась слишком большими расходами на протяжении многих лет. На этом фоне ужесточение школьных правил превращалось в сильный стрессовый фактор. Но как только за несколько лет подростки приспособились к новым правилам, а те, кто не смог этого сделать, погибли или были исключены, эпидемия пошла на убыль.

Как видно из статистики, снижение количества погибших началось до Первой мировой войны, что лишнее раз указывает на внутришкольные истоки этой вспышки.

Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на вспышку самоубийств детей, стал фактор внешний, связанный с формированием информационных потоков.

Здесь существует известный элемент случайности и совпадения. Во-первых, в Министерстве народного просвещения с 1904 г. начинается формирование статистического центра, собирающего, обрабатывающего и публикующего информацию о самоубийствах школьников, а во-вторых, в постреволюционное время значительно расширяются возможности для критики режима и уничтожаются старые цензурные правила. Это создает информационный поток, который стимулировал обсуждение самоубийств, распространение информации о них в подростковой среде и вызывал волну подражаний. Если сравнить статистические данные официальной и неофициальной статистики, то получится, что рост числа газетных сообщений предшествовал росту реальных самоубийств. Кроме того, линзы статистических выкладок

делали картину для специалистов еще болееужасающей, что, вкупе с критическим потенциалом обсуждения детских смертей, создало общественную панику.

Как правило, эпидемию самоубийств начала XX века трактуют как показатель общественного распада, и роста социального разочарования в результатах революции. Для школьной эпидемии этот вывод представляется не очевидным. Самоубийство детей скорее превратилось в метафору, удобную для взрослых, чем в реальности были порождены «крушением общественных идеалов», как считал, например, Е.М. Балашов⁶.

Однако ценность этих материалов не исчерпывается возможностью сделать какие-то предположения в области истории суицидального поведения. Благодаря тому, что в делах часто присутствуют достаточно пространные описания казусов и личные документы школьника, то можно основываясь на этих документах, попытаться проникнуть во внутренний мир подростка начала XX века, в систему взаимоотношений поколений этого периода. Окружающая самоубийцу среда может быть описана как набор культурных и социальных контекстов, в рамках которых самоубийство обретает смысл и может быть понятно окружающим. Документы о самоубийстве следует трактовать не как описание патологии, а как свидетельство о конфликтах. Следует помнить, что возникая во многих семьях, эти конфликты в большинстве случаев не приводили к самоубийствам.

К этим культурным контекстам относятся, прежде всего, поиски подростками своего места в жизни, обретение навыков чувствования в соответствии с принятыми в обществе «эмоциональными матрицами», формирование подростковых субкультурных атрибутов, таких как мода на соответствующий стиль поведения, и освоение идеалов предыдущего поколения, в том числе и революционных, с соответствующими формами поведения. Также нельзя не отметить определенные контексты школьной повседневности, такие как конфликты между учителями, родителями и детьми, приводившие к шантажу и протестам против несправедливости с помощью суицидальных попыток.

Можно утверждать, что особенно полно на этих материалах прослеживается то, что обычно называется конфликтом поколений, однако скорее не с точки зрения противоборства, а с точки зрения взаимонепонимания. Примеры тому многочисленны - старшее поколение убеждено, что причины подростковых самоубийств в развращенности школьников, однако не сложно показать, что последние были весьма целомудренны и наивны в вопросах пола. Старшее поколение было убеждено, что молодых влечет к смерти литература модерна, однако можно заметить, что мысли о смерти молодое

---

⁶ Балашов Е.М. Школа в российском обществе. 1917 – 1927. Становление «нового человека». СПб 2003. С. 46.

поколение в основном вычитывало из Толстого и Тургенева, а вовсе не Андреева и Арцыбашева. Старшие отказывались узнавать в молодежи носителей своих идеалов, хотя говорили они одними и теми же словами.

Это очевидным образом указывает нам на то, что это взаимопонимание не может носить случайного характера. Оно коренится во всей системе взаимоотношений между поколениями в среде «образованного класса» империи. Эти взаимоотношения, в свою очередь, обусловлены, несколькими обстоятельствами. Прежде всего, к началу XX века, русская интеллигенция концептуализировалась, как преемственное сообщество. Одновременно никуда не исчезли обязательные со времен Добролюбова и Писарева тексты, провозглашающие неминуемость разрывов между поколениями.

В силу этих причин те, кто относил себя к интеллигенции, могли уделять повышенное внимание процессу смены поколений. Метафора смены поколений была важна в идеологическом плане — как гарантия победы прогрессивноначала над консервативным, преодоления отсталости страны. В то же время была важна мысль о преемственности — как способе собственной легитимации в историческом движении, а значит, и утверждения правоты своих взглядов на судьбу России.

С этой точки зрения «эпидемия самоубийств» вызвала повышенный интерес у представителей старшего поколения интеллигенции по многим причинам. С одной стороны, коль скоро образование являлось существенным критерием для определения интеллигенцией себя как таковой, самоубийство школьников подрывало на корню саму идею преемственности. С другой стороны, обсуждение самоубийств школьников позволяло поколению экспертов «оставаться на плаву», чувствовать себя более развитым и прогрессивным, чем поколение молодое, но нежизнеспособное.

Следующим аспектом, обусловившим упомянутое взаимонепонимание, было формирование привычных нам структур повседневности, в рамках которых возрастные группы разводятся занятиями, правилами, пространством, в котором осуществляется повседневное взаимодействие и т.д. Напомним, что дети во многих городских семьях будут первыми представителями семей, получившими среднее образование. Когда же городская семья государственная школа вырастают друг в друга, то образование становится особым видом деятельности подрастающего поколения, и это создаёт почти не пересекающиеся социальные пространства.

Повседневность разделяет родителей и детей оценками, друзьями, разными занятиями, разным начальством. Конечно, разным опытом. Особенно ярко это видно,

когда ребенок уже начинает свою жизнь в мире, который полон технических новинок, непонятных для взрослых. В наше время знаковым предметом такого процесса может быть назван мобильный телефон или компьютер. В начале XX в. это мог быть, например, трамвай.

И точно так же, как взрослые, младшее поколение могло считать свою повседневность важной и увлекательной, а повседневность старшего поколения — несерьезной, непонятной и лживой. Именно поэтому конфликт поколений интеллигенции, уже преодоленный к началу XX в. на идеологическом уровне, воспроизводился снова и снова - на уровне повседневности. И заново осознавался детьми как идейный конфликт.

Так, начав свою критику старшего поколения с того, что родители не ходят на собрания родительских комитетов, школьник писал: «Да и что от вас можно ожидать: когда дело идет об интересах ваших детей, вы впервые становитесь на сторону педагогов. Первые бросаете камни в своих детей, первые возмущенно кричите против пробуждающегося сознания, собственного достоинства в них, против светлых стремлений, к чистому знанию, к справедливости. Первые вы облили грязью сыновей и дочерей ваших по поводу совместных занятий с гимназистками. Вы, которые довольствуетесь 20 числом и всеми благами, связанными с ним, хотите быть нашими жизненными наставниками. Не нужно. Мы сами найдем себе дорогу»⁷

Таким образом, исследование суицидального поведения школьников в начале XX века позволяет нам расширить контекст исследования до поиска закономерностей взаимоотношения поколений в среде формирующегося городского «среднего класса».

В заключении хотелось бы отметить, что с точки зрения проанализированного материала говорить о абстрактном всегда воспроизводимом конфликте поколений — занятие неблагодарное, поскольку речь идет не более как о мыслительном клише. Зато дела самоубийц дают нам возможность говорить о фактическом содержании межпоколенческих взаимодействий в начале двадцатого века в конкретной социальной среде. В нашем случае видно, как представление о том, что такое молодое поколение, создается не само собой разумеющимися демографическими процессами, а набором

---

⁷ ЦГИА СПб ф. 2189 оп 1 д 149 л 2 – 2 об

социальных институтов, таких, как образование, пресса, наука, или бюрократия. Для участников этого взаимодействия молодежь будет и объектом опеки и источником опасности, метафорой счастливого будущего и отвратительного настоящего одновременно. Несомненно, мы имеем дело со сформированным 19 веком взглядом на взаимодействие поколений, который во многом дожил до наших дней.